

ГЕРМАН РЫЛЬСКИЙ

ОТРЯД
**КРАСНОЕ
ВОЗМЕЗДИЕ**
ВРАГ ВНУТРИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р95

Иллюстрация на переплете *Романа Швердина*

Рыльский, Герман Витальевич.

Р95 Отряд «Красное возмездие». Враг внутри / Герман Рыльский. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-248206-9

Что, если бы СССР создал своих суперсолдат ещё до войны?

Анна Фурманова не хотела становиться оружием. Она была просто спортсменкой, ведущей двойную жизнь. Но когда её поймали на ночной охоте за преступниками, выбор был прост: тюрьма или эксперимент.

Григорий Дубинин — бывший боец ВДВ — тоже не искал славы. Он просто не хотел оставаться инвалидом. И согласился на операцию, которая подарила ему силу электрического шторма.

Вместе с двумя другими «отбросами» (зеком, получившим силу Ящера, и учёным, видевшим Ад) они — последняя надежда Союза против отряда неуязвимых убийц-психопатов с Запада.

Враги «Красного Возмездия» — огненный мститель, телепат и оборотень. Их союзник — Никола Тесла. Их поле боя — вся Сибирь и гигантская летающая крепость.

И да, они справятся. Но только если научиться работать в команде.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248206-9

© Рыльский Г.В., текст, 2026
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2026

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Материалы из дела № ВКС-00
«Вселенная Красного Стимпанка»
Объект: Звуковое сопровождение
спецопераций отряда
«Красное возмездие»

Приложение 1:

ПАМЯТКА ДЛЯ РЕКРУТОВ

Настоящий плейлист составлен для полного погружения в атмосферу Вселенной Красного Стимпанка. Использовать перед прочтением (а также во время чтения и после него) романа «Отряд Красное Возмездие».

Каждая композиция плейлиста — это отдельный фрагмент мира, в котором живут герои книги. А ещё это просто любимые песни Анки-пулемётчицы, Багрового Шторма и других бойцов отряда «Красное возмездие».

В плейлист вошли треки группы MAMA RUSSIA, из альбомов «Опасные механизмы», «Секретные архивы НКВД», «ДК имени Ленина», «Любовь, комсомол и роботы», «Русские медведи». И даже из пластинки, которая на момент составления этого списка только готовилась к выходу, — «Железные орудия».

Порядок воспроизведения песен — на усмотрение слушателя/читателя. За побочные эффекты в виде желания безотлагательно перечитать книгу создатели Вселенной ответственности не несут.

Приложение 2:

СПИСОК КОМПОЗИЦИЙ

Intro
Анка-пулемётчица
Russian Revolution
Железный Феликс
Марш стальной пехоты
Механический вождь
Дядя Стёпа
Бесы
Никола Тесла
Допрос
Дирижабль «Заветы Ильича»
Русский терминатор
Мойдодыр
Пионерская зорька
Советский робот
Шагающая крепость
Механический медведь
Аврора
Советский шагоход
Песня Ильичу
Киборги-медведи
Похититель технологий
Эдисон и Тесла
Дом культуры имени Ленина
Тесла-воин
Бронепоезд
Боевая песня
Боевой вылет дирижаблей

Часть первая

ВЕРБОВКА

...Лишь ночами долгими ей никак не спится,
Голос механический манит и зовёт.
От боекомплекта ноет поясница,
И застыл горгульей Анин пулемёт.
Чернотой налитый, как дурною кровью,
Смотрит круглым глазом, вылупил зрачок.
Так любовник тянет пальцы к изголовью,
Так терзает нервы дьявольский смычок.
Душное безумье накрывает Анку,
Микрочип как уголь голову печёт.
Вывернет девичью душу наизнанку
Боевой товарищ, Анин пулемёт...

Рупор Пролетариата. Анка-пулемётчица

10 октября 1937 года

1

Складывать хлопущку из бумаги Григория научил старший брат. В сильных, покрытых мозолями руках десантника двойной листик в клеточку выглядел странно маленьким, как будто его выдрали из карманной записной книжки, а не из тетради по математике. Виталий ловко сложил лист и провёл по стибу заскорузлым ногтем большого пальца.

— Запоминай схему, в школе пригодится, — произнёс юноша, бросая на младшего брата наигранно-строгий взгляд. — Два раза показывать не буду!

Гриша кивнул, заинтригованный. Вообще-то, он спросил у Виталия про парашюты, но тот, по своему обыкновению, решил начать издалека.

Григорий Дубинин, ученик седьмого класса одной из средних школ города Москвы, бредил самолётами, дирижаблями и, само собой, прыжками с парашютом. Он мечтал

стать бойцом ВДВ, как старший брат. Ему было интересно всё — как проходит служба, как десантники тренируются, как отдыхают и что, к примеру, едят на завтрак. Чаще всего Виталий говорил как есть, иногда рассказывал какую-нибудь интересную историю, а бывало, что и отмалчивался: «Болтун — находка для шпиона! Пойдёшь в армию, сам узнаешь!» Сегодня Гриша спросил, как это, когда над головой раскрывается купол, спитый из перкали и усиленный капроновыми лентами. Виталий неспешно затянулся «Беломорканалом», отхлебнул из кружки чёрный чай и попросил Гришу принести школьную тетрадь. Точнее, не попросил, а отдал приказ, как младшему по званию. Поскольку Виталий не уточнил, какой предмет его интересует, Гриша принёс тетрадь по математике. В той, что по русскому, красовалась спорная оценка $5/2$, полученная за сочинение на тему «Кем я хочу стать, когда вырасту». Пять за содержание, два за грамотность.

Братья Дубинины рано лишились отца — его медаль «За храбрость», полученная вдовой, хранилась в серванте, в металлической банке из-под индийского чая. Иногда, по настроению, Виталий брал на себя роль отца и мог, например, проверить у младшего брата домашнее задание или дневник. Впрочем, сейчас был не тот случай — непроверенная и похудевшая на два листа тетрадь лежала в сторонке, на клеёнчатой скатерти.

— И что это? — спросил Гриша, когда Виталий продемонстрировал ему результат своей работы — плотный треугольник в клеточку. Это был не самолётик, не кораблик и не пароход с двумя трубами — всё, что умел складывать из бумаги младший из двух братьев Дубининых.

— Ты спрашивал, как это, когда над головой раскрывается парашют, — Виталий сохранял серьёзное выражение лица, но его глаза, ярко-синие, как у отца, смеялись, а папироса, словно прилипшая к нижней губе, ходила вниз-вверх, помигивая оранжевым.

— Ну да. А при чём здесь эта штука?

— Встань ровно, — Виталий поднял бумажный треугольник, так, словно это был метательный нож. А потом резко опустил его. Сопротивление воздуха что-то сделало с вырванным из тетради и хитро сложенным листом бумаги. Треугольник раскрылся прямо над ухом Гриши, издав громкий хлопок. От неожиданности парнишка вздрогнул, но не так чтобы сильно. Будущему бойцу ВДВ не пристало пугаться и подпрыгивать, как девчонка.

— Громко? — усмехнулся Виталий, протягивая хлопушку младшему брату.

— Ага!

— А когда раскрывается парашют, это в сотню раз громче. Как будто сам бог хлопнул в ладоши у тебя над головой.

— Бога нет, — сказал Григорий, вертя в руках хлопушку. — Тебе это любой пионер скажет.

Виталий одобрительно хмыкнул и опустился на табуретку. Щёлкнув пальцем по дну картонной коробки, он извлёк оттуда очередную папиросу.

— А можно мне? — спросил Гриша, убирая хлопушку в карман. Он, конечно, пробовал курить, прячась с одноклассниками за котельной, на заднем дворе школы. Но одно дело — затягиваться горьковатым, щекочущим горло дымом тайком, и совсем другое — с разрешения старшего брата.

— Папиросу? — Виталий вскинул бровь. — Ещё чего! Ты же пионер!

Григорий почти решился процитировать хулиганскую песенку, популярную у школьников: «Володеньку Ульянова никто не видел пьяного, а Павлика Морозова с дымящей папиросою. И какой отсюда вывод — нам предельно ясно. Будь умнее, пионер, не пались напрасно!» Но в итоге не стал испытывать терпение старшего брата. Кадетский корпус, военное училище и служба в десантных войсках изменили его, сделав собранным и серьёзным. Возможно, даже чересчур.

Во всяком случае, понимать анекдоты и простые школьные шуточки он разучился.

Хотя советская наука осуждала мракобесие, некоторые люди (особенно из тех, что постарше) продолжали верить во всякую чушь. В том числе в предчувствия и знамения. Чего далеко ходить — женщина, родившая на свет Виталия и Гришу, говорила, что за день до того, как почтальон принёс похоронку, ей приснился муж в белой рубахе до пола.

«Глаза у него были как стеклянные пузырьки с чернилами, — рассказывала мать, бледнея. — Он сказал, нам можно говорить, но нельзя встречаться взглядом, потому что он уже не здесь».

Григорий ничего не почувствовал, когда говорил с братом о парашютах и папиросах. Побывка закончилась, и Виталий Дубинин вернулся на фронт. Ему самому и двум десяткам его сослуживцев предстояло десантироваться из дирижабля, когда в баллон попал вражеский снаряд. Поступая на службу, Дубинин-старший подписал согласие, что в случае ранения, несовместимого с жизнью, передаёт свой мозг НИИ «Железный Феликс». Виталий не умер, но и не был жив в привычном смысле этого слова. Его мозг плавал в стальной колбе, а колба была помещена в механическое тело исполинского роста. Он или сражался, или находился в наркотическом полусне, созерцая фильмы и агитационные кинохроники, которые транслировались прямо на глазной нерв. Так выглядела служба в легендарном батальоне имени Дзержинского. Сказать по правде, не так романтично, как об этом пелось в песнях по радио. Григорий гордился братом, ценил его жертву, принесённую Родине, и задавался лишь одним вопросом: помнил ли тот ощущение хлопка божественных ладоней над головой?..

Григорий Дубинин — бывший школьник, бывший кадет, а теперь и бывший десантник двадцати пяти лет — размышлял об этом, сидя на стуле у окна. Его костыли стояли тут же,

прислонённые к широкому, покрашенному синей краской подоконнику. Двойная рама была приоткрыта, и молодой человек старался выдыхать дым наружу, после каждой затяжки помахивая свёрнутой газетой. Курить в стенах госпиталя строго запрещалось, но когда и кого это останавливало?

Палата, где Григорий провёл три последних месяца, располагалась на третьем этаже. Внизу, по унылому больничному двору, медленно прогуливались пациенты — по большей части военные, которые угодили сюда после ранений разной степени тяжести. Кто-то ковылял на ходунках, кто-то просто сидел на лавочке, набросив на серую больничную пижаму пальто или солдатскую камуфляжную куртку. Осень вступала в свои права, и каждый новый день был прохладней предыдущего.

Дверь открылась, и в палате возникла тётя Поля. Всплеснув руками, она поспешила к нарушителю, который уже успел избавиться от окурка, неуловимым жестом фокусника выкинув его в окно.

— Дубинин, ты что же здесь такое устроил?! — санитарка с грозным видом шаркала по вытертому линолеуму, прямым к набедокурившему пациенту. Тёте Поле было под семьдесят, но возраст (равно как и маленький рост) не мешал ей оставаться грозой отделения. — Тут у нас лежачие, разве не понятно?! А если кому из них от дыма поплохее? Кто тогда отвечать станет?! Пушкин?!

— Да я всего разок затянулся, — пробормотал Григорий. Он бы мог сказать, что лично делился с половиной этих лежачих папиросами, а после помогал замести следы «преступления». А сослуживцу Кирюхе, который лежал, закованный в гипс от пальцев ног и до шеи, подносил раскуренный «Беломорканал» прямо ко рту.

— Я свидетель, он всего разок... ну, может, пару раз, — послышалось с койки, оборудованной противовесами и растяжками. Это подал голос Кирюха, несмотря на четырнадцать переломов, не терявший чувства юмора.

— Сплошные свидетели, мать вашу, — тётя Поля рывком распахнула окно, так что стёкла в деревянных рамах задребезжали, схватила с подоконника газету и принялась махать ею, выгоняя наружу едкий дым. — Ты-то уже ходишь, вот и тонай курить на улицу!

Тётя Поля была права. Григорию ничего не мешало спуститься на первый этаж, выйти во двор и там покурить — благо в здании военного госпиталя, где его ногу буквально собрали по кусочкам, имелся паровой лифт. Но всё, на что сейчас хватало Григория, — сидеть на табурете у окна. Это, впрочем, был прогресс — вчера он весь день неподвижно пролежал на койке, глядя в белый потолок. Незадолго до этого доктор Мамуч оглы, который оперировал Григория, наконец перестал ходить вокруг да около и прямо сказал, что о ВДВ его пациенту можно забыть.

— Гриша, ну ты серьёзно? — Ахмед Мамуч оглы буквально год или два как окончил мед и ещё не успел обзавестись «панцирем», свойственным докторам постарше. Сообщая пациенту неприятные новости, он явно чувствовал себя не в своей тарелке. — Какие прыжки с парашотом? Ты едва восстановился. А нам, между прочим, предстоит вытаскивать пластины из твоей ноги. Это ещё одна нешуточная операция и ещё один период восстановления. Нога не будет такой, как прежде. Прими это уже.

— И чем я должен заняться? — спросил Григорий, прекрасно понимая, что глупо обращать этот вопрос к хирургу, который и так сделал всё возможное, спасая его ногу. — Идти в школу работать учителем ОБЖ?

— А что, тоже полезная профессия, — пожал плечами доктор. — Кто ещё справится с этим лучше, чем бывший вэдэвэшник?

И вот это самое «бывший вэдэвэшник» оказалось соломинкой, сломавшей хребет верблюду. После разговора с хирургом Григорий ощущал странную пустоту в груди. Казалось, напротив сердца повисла липкая, холодная пиявка,

которая уже второй день сосала из него нечто менее осязаемое, чем кровь, но столь же важное. Григорий чувствовал — когда эта тварь закончит пировать, от него останется лишь искалеченная, ни на что не годная оболочка.

Металлических пластин в правой ноге Григория хватило бы, чтобы изготовить приличный набор шампуров для шашлыка — доктор Мамуч оглы шутил, что так они и поступят, когда всё это закончится. Кто-то другой на месте Григория со страхом и тревогой думал бы о повторной операции, но его беспокоило то, что будет после. Малоприятная перспектива в двадцать пять лет пополнить ряды ветеранов, неспособных к военной службе. Со школьной скамьи он ясно видел своё будущее, а теперь впереди маячил только лишь серый туман неопределённости. И вот это было действительно страшно. Впрочем, оставалась Нина. Мысль о ней заставила-таки Григория подняться с табурета и взять костыли.

— Вот-вот, — напутствовала его санитарка. — Шагай на улицу!

Потолки в госпитале были высокими, а коридоры гулкими. Тесла-фонари — толстостенные стеклянные колбы, в которых горели яркие вольфрамовые нити, — освещали помещения тёплым, слегка янтарным светом. Они же издавали низкое басовитое гудение, почти неслышимое днём. Сейчас, за полтора часа до обеда, в коридоре царило оживление — хлопали двери палат, мелькали белые халаты медсестёр, брели куда-то пациенты, способные передвигаться самостоятельно. Молодая санитарка в красном платке, повязанном на комсомольский манер, катила громыхающую тележку с больничными суднами. Наступило время посещения, и, шагая к лифту, Григорий то и дело встречал мужчин и женщин в застиранных больничных халатах, надетых поверх гражданского. Большинство несли сетчатые авоськи с кефиром, фруктами и прочими разрешёнными гостинцами. Ближе к лифту Григорий заметил заплаканную молодую женщину. Она держала за руку мальчика лет шести,

а тот сжимал в кулачке несколько оранжевых бархатцев, явно сорванных на каком-то газоне.

— А доктора сделают папе механическую руку? — спросил мальчишка, запрокидывая голову и устремляя на мать испытующий взгляд.

— Конечно, сделают, — ответила та.

— А она будет сильнее настоящей?

Мать и сын зашли в палату, и Григорий не услышал продолжения разговора. Но не сомневался, что парнишка получил утвердительный ответ. Не факт, что правдивый, но утвердительный. Григорий Дубинин — гора крепких мускулов, затянутая в больничную пижаму и поставленная на костыли, — двинулся дальше.

— Свинья ты эгоистичная, Гриша, — проворчал он, когда из-за двери послышался приглушённый створкой радостный вопль «Папка!». Укол стыда оказался внезапно сильным.

Кому-то здесь досталось сильнее, чем ему. Чёрт, да здесь многим досталось в разы сильнее! Кто-то оставил на фронте конечности, кого-то парализовало, а кого-то контузило так, что мозги превратились в подобие яблочного пюре. И, если по-честному, надеяться на киберимпланты мог разве что наивный шестилетний пацан. Дело даже не в том, что в московском военном госпитале номер четыре не имелось отделения кибертрансплантологии. Каждый успешный случай создания киборга становился очередной победой советской науки... и поводом неделю трезвонить об этом во всех газетах, как трезвонили о том участковом, который был ранен, пережил клиническую смерть и стараниями хирургов превратился в пугающий гибрид человека и машины. Теперь дядя Стёпа-милиционер, как прозвали его газеты, считался гордостью НКВД и регулярно мелькал по телевизору.

Поставить создание киборгов на поток удалось только НИИ «Железный Феликс». Но они брали от человека лишь

мозг, а тело (врачи тактично называли это «биологическими отходами») отправлялось в печь. Григорий не понимал, почему дать человеку механическое тело проще, чем, например, железную руку или ногу. Но, с другой стороны, вопросами киборгостроения занимались лучшие советские академики, которые наверняка могли часами рассуждать о слиянии живого организма с машиной. А бывший вздвэшник Дубинин по биологии в школе не получал ничего выше тройка...

— Чего ты там бормочешь?

Григорий оглянулся и увидел Ивана Беляева. Танкист, раненный в боях за Аляску, он уверенно шёл на поправку и вскоре должен был покинуть госпиталь.

— Да так, мысли вслух, — отозвался Григорий, — размышляя о кибертрансплантот... тат... тьфу, язык сломаешь!

— Кибертрансплантологии, — подсказал Беляев.

Тем, кого военкомат определил в танковые войска, приходилось много времени проводить в чреве тесной машины. Поэтому туда отбирали ловких и проворных бойцов ростом не выше ста семидесяти сантиметров. Но, похоже, язык у Беляева был ещё проворней, чем его хозяин, — по крайней мере, в столовой этот славный защитник Аляски не замолкал ни на секунду. Он щедро потчевал соседей по столу анекдотами, байками и просто новостями, почерпнутыми из радио и газет. Григорий не мог понять, когда Беляев успевал закидывать в себя больничную еду, при таком-то помеле вместо языка, и в глубине души радовался, что лежит в относительно тихой палате.

— На прогулку?

— На двор, подымить.

— Ага, ну, я тоже, — Беляев слегка замедлил шаг, подстраиваясь под темп Григория. — Что, железную ногу захотел?

— Было бы неплохо.

— Да тебе ж вроде собственную подлатали, или как?